УДК 347.1
ББК 67.404.0
К 18

Камышанский В.П., Карнушин В.Е.

К 18 **Гражданское правоотношение: социально-психологический аспект.** — М.: Статут, 2016. — 222 с.

ISBN 978-5-8354-1198-6 (в обл.)

Монография посвящена исследованию гражданского правоотношения как социально-психологического феномена. Представляемая читателям книга является фактически первым воплощенным применением психологической школы права к гражданскому правоотношению в новых социально-экономических и геополитических условиях. Методологической основой правового исследования послужила концепция психологической школы права Л.И. Петражицкого, поскольку она построена на кантовском понимании свободы, заложенной в праве.

В работе рассматриваются структура и содержание гражданского правоотношения. Особое место занимают исследование сущности и содержания отдельных видов гражданских правоотношений как социально-психологического феномена, а также основания их возникновения.

Для научных работников, юристов, студентов юридических вузов и всех, кто интересуется гражданским правом.

УДК 347.1
ББК 67.404.0

ISBN 978-5-8354-1198-6

© В.П. Камышанский, В.Е. Карнушин, 2015
© Издательство «Статут», редподготовка, оформление, 2015

Предисловие

Категория «правоотношение» занимала и продолжает занимать умы ученых не одного столетия. Каждый исторический период характеризуется своими собственными взглядами на этот правовой феномен, формируемыми под влиянием присущей ему идеологической, экономической и социально-культурной обстановки в обществе.

Учение о правоотношении зависит от господствующей в теории права парадигмы. Методология различных подходов зависит от действующей в научной среде авторитетной школы права, а также от доминирующих идеологических взглядов в обществе. Замысел авторов монографии состоит в том, чтобы привнести новое видение сущности правоотношения в науку гражданского права, предпринять попытку раскрыть содержание гражданского правоотношения в новых социально-экономических и геополитических условиях.

Для науки плюрализм во взглядах — это всегда положительное свойство, потому что позволяет критически оценивать каждый из подходов. Изначально различие во взглядах на право и правоотношение зародилось на почве богатого нормативного материала, снабженного реципированным римским правом, которое было исходным пунктом всех юридических исследований[1].

Известнейшими цивилистами Ф.К. Савиньи и Г.Ф. Пухтой была положена в основу историческая школа права, которая признавала право порождением общества и исторически складывающимся феноменом. Применительно к правоотношению сторонниками этой теории сформирована позиция, согласно которой правоотношение представлялось как некие волевые отношения, обусловленные историческим развитием общества.

С революционным взглядом выступил Р.Ф. Иеринг, показав на примере римского права то, что римское право вовсе не является историческим этапом, а является диктатором общественного порядка. В самом начале своего известного произведения «Дух римского права

[1] См.: *Моддерман В.* Рецепция римского права / Пер. Н. Л. Дювернуа. СПб., 1888.

на различных ступенях его развития»[1] он красноречиво заявил, что Рим три раза диктовал всему миру свои законы: первый раз — объединил людей в единое государство, второй раз — под началом единой церкви и третий раз в Средние века — к единству права. Так зародилась теория завоевания и насильственного навязывания римского права средневековым народностям. Взгляд на правоотношение и на субъективное право воцарился как на обеспеченный законом интерес. Право было признано средством удовлетворения частных и публичных интересов.

Хронологически с появлением новых общетеоретических работ развивался и нормативизм в гражданском праве. Г. Кельзен признал существование только письменного права, установив и то, что субъективное право вообще является частью объективного права — специальной правовой нормой. Отсюда правоотношение понималось как связь правовых норм о субъективных правах и обязанностях. Такие тенденции постепенно приводили к умалению философского понимания свободы и в конечном итоге привели к появлению теории социальных функций. Л. Дюги выступил с положением о том, что субъективных прав не существует вообще, что право признано лишь для того, чтобы каждый субъект осуществлял определенную социальную функцию[2]. Такого рода концепции все более и более подавляли внутреннюю свободу, делали человека простой «шестеренкой» общественного механизма. Одним из крайних проявлений такого ограничения в XIX веке стал марксизм, выдвинувший прежде всего зависимый от экономики характер права.

Всякая наука, в том числе и любая гуманитарная, не может существовать и развиваться без своего рода крайних, «оппозиционных» точек зрения. Думается, что именно критический анализ теоретического наследия в тесной увязке с потребностями новых вызовов времени способствуют конструктивному развитию человеческих знаний и продвижению юридической науки на новый уровень общественного развития. Правовые науки всегда развивались под сильнейшим влиянием господствующих, с одной стороны, и «оппозиционных», с другой стороны, воззрений и взглядов. Однако далеко не каждый сугубо философский взгляд на проблемы государства и права получал свое воплощение и брался на вооружение представителями правовых наук. Отчасти это можно признать недоработкой юристов. В пред-

[1] См.: *Иеринг Р.Ф.* Дух римского права на различных ступенях его развития. СПб., 1875.

[2] См.: *Дюги Л.* Общество, личность и государство. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства. СПб., 1914.

лагаемой читателю работе предпринята попытка привлечь внимание к некоторым несколько забытым философским и теоретико-правовым воззрениям применительно к современному гражданскому праву и гражданскому правоотношению.

Идея написать эту книгу возникла после прочтения и осмысления обширного массива советской литературы, касающейся проблематики правоотношения. В юридической науке советского периода вся проблематика правоотношения основывалась исключительно на марксисткой методологии. Это значит, что правоотношение носило вспомогательную роль, как и право в целом. Основой всему были общественные отношения и производственные отношения. За счет этого зачастую предмет гражданского права сводился только к имущественным отношениям, что не позволяло гражданскому праву развиваться.

Диалектико-материалистический взгляд на право и правоотношение, думается, уже не может носить незыблемый, бесспорный характер. За последние десятилетия поменялись политическая и экономическая основы нашего общества, существенно изменились идеологические и социально-культурные приоритеты. Именно это подвигло авторов предпринять попытку создать некие новые подходы к пониманию сущности гражданского правоотношения, отличающиеся от понимания этой правовой категории в советский период, и привлечь внимание к некоторым весьма забытым, но от этого не менее ценным взглядам в науке теории права и теории гражданского права.

Такой в какой-то мере забытой в настоящее время теоретической школой права является психологическая школа права, основу которой заложил в своих трудах дореволюционного прошлого Л.И. Петражицкий. Концептуальная основа теории Л.И. Петражицкого очень привлекательна для правовых исследований, поскольку она основана на кантовском понимании свободы, заложенной в праве. Именно его методология и теоретическая основа в настоящее время вполне применима к исследованиям в сфере гражданского права и гражданского правоотношения.

В советское время свобода в праве всячески умалялась или не признавалась вообще. Гражданскому праву отводилась служебная роль, призванная обеспечить функционирование планового ведения хозяйственной деятельности социалистических предприятий. Повсеместный материалистический подход заложил основу и к служебной роли самого гражданского правоотношения.

Стремительное развитие гражданского оборота породило потребность в модернизации гражданского законодательства, наиболее в полной мере отвечающей интересам его участников. Вызовы вре-

мени требуют от науки гражданского права выработки новых решений, которые обеспечили устойчивость современного общественного строя. Современное гражданское право приобрело определенную самостоятельность и в гораздо большей степени базируется на учете объективных экономических закономерностей, степени социализации общества, чем на воле отдельно взятого государства как политической организации, призванной обеспечить в первую очередь публичные интересы за счет интересов граждан и юридических лиц. Наметившиеся тенденции говорят о все большем и большем закреплении свободы в гражданском праве. В Концепции развития гражданского законодательства[1] предлагается расширить перечень вещных прав. Обилие и многообразие вещных прав, закрепленных в гражданском законодательстве, является своего рода индикатором степени цивилизованности и развитости общественного правопорядка. Расширение и без того открытого перечня обязательств подтверждает все большее значение гражданского права в жизни современном обществе. В книге предпринята попытка ответить на вопрос: насколько в дальнейшем приемлемы старые закрепощенные методологические подходы и материалистические концепции при определении дальнейших путей развития современной проблематики гражданского правоотношения?

Авторы монографии при попытке найти ответы на этот вопрос очень бережно относятся к анализу и оценке трудов советского периода. Дело в том, что советское юридическое наследие в крайней степени логично, стройно и у советских ученых можно учиться структуре и логике изложения материала, обоснованию подходов, связанностью выводов с проведенными исследованиями. Поэтому труды советских авторов по проблематике правоотношения широко используются в монографическом исследовании.

Представляемая читателям монография является фактически первым воплощенным применением психологической школы права к гражданскому правоотношению. До этого момента идеи рассмотрения правоотношения сводились либо к общественному пониманию правоотношений, либо указывалось на необходимость анализа только норм права о субъективных правах и обязанностях сторон, и их взаимосвязи, утверждая о том, что иное вовсе не должно становиться предметом исследования юристов. На концепции современного нормативизма стоит глубоко уважаемый авторами монографии профессор

[1] Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.) // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

С.А. Зинченко. В его работе «Гражданские правоотношения: подходы, проблемы, решения»[1] говорится о необходимости исследования прежде всего модели правоотношения, заложенной правовыми нормами. По нашему глубокому убеждению сама по себе правовая норма, модель поведения не позволяет однозначно определить сущность правоотношения, ответить на вопрос о том, что это за правовое явление и где именно определено ему место.

Социально-реалистические и нормативистские концепции отличаются тем, что предлагают искать правоотношение либо в общественной действительности, либо в области норм права (объективного права). Существует и некоторые промежуточные точки зрения, полагающие единство между регулируемым общественным содержанием и регулятором — нормами объективного права. В связи с этим авторы задались поиском ответа на вопрос: а где тогда искать место правоотношению? Не является ли это просто вымышленным мифом, юридической фикцией, придуманной для удобства правоприменения? Где можно найти единство межу социальной действительностью и объективным правом? Возможно ли механически наложить объективное право на общественную действительность посредством определенной системы юридических фактов? Могут ли нормы объективного права самостоятельно выступить простым клише для объединения некоторого однородного массива общественной жизни?

Ответы на эти вопросы марксистская методология дать не могла, поскольку они не стояли в повестке дня ученых-исследователей того периода. Вместе с тем, как нам представляется, нынешнее состояние юридической науки вполне позволяет решать новые задачи и формировать новые подходы к поиску ответов на вызовы времени, в том числе и выстроить оригинальное решение понимания гражданского правоотношения как социально-психологического феномена.

В монографическом исследовании предлагается особое психическое понимание правоотношения. Авторы приходят к выводу о том, что правоотношение — это всегда психическая связь, связанность между субъектами, обладающими волей и интеллектом. Это означает, что существование правоотношения без учета свойств мозга воспринимать и оценивать окружающий мир в действительности невозможно. Именно в психике разумного существа возникает представление о правовой связанности, о диалектическом единстве материального содержания и правовой формы.

[1] См.: *Зинченко С.А.* Гражданские правоотношения: подходы, проблемы, решения: Монография. Ростов н/Д: СКАГС, 2011.

Из этого подхода непосредственно вытекает и особый взгляд на структуру гражданского правоотношения и особое понимание предпосылок его возникновения. Указанный доктринальный подход определил и структуру монографического исследования.

Необходимость рассмотрения в работе предмета и метода правового регулирования обусловлена тем, что именно анализ заложенной в методе гражданского права принципа свободы позволяет познать сущность гражданского правоотношения. Собственно, правоотношение понимается как внутренняя психическая связь, а метод правового регулирования как способы воздействия норм права на психику субъектов правоотношения. Именно поэтому свободное и непринужденное воздействие норм объективного права на психику субъектов в рамках гражданского права позволяет определить, какие правоотношения являются гражданскими. Это является необходимой предпосылкой, основой для последующего рассмотрения гражданского правоотношения.

Анализ понятия объективного права и системы законодательства позволяет установить и подчеркнуть различия между категориями «право» и «законодательство». Гражданское законодательство так или иначе является комплексным образованием и содержит также нормы права, которые воздействуют на психику субъектов с помощью несвойственных методу гражданского права способов воздействия (например, институты государственной регистрации субъектов и прав на недвижимое имущество). Это обстоятельство вызывает необходимость исключения из рассмотрения в рамках гражданского права, а не гражданского законодательства подобных правоотношений. Предмет гражданского правоотношения, как общественное отношение, представляет собой социальную реальность, которая не входит в качестве элемента в структуру правоотношения, но при этом выступает в качестве социальной предпосылки возникновения гражданского правоотношения. Такой методологический прием позволяет очертить круг возможных гражданских правоотношений.

Авторы выражают благодарность читателям за проявленный интерес к работе, а также конструктивные замечания и предложения, которые послужат дальнейшему развитию теоретических воззрений по проблемам гражданского правоотношения. Надеемся, что представленная на суд читателя книга может послужить основой для дальнейших исследований по отдельным вопросам гражданского права и отдельным видам гражданских правоотношений.

Глава 1. Гражданское право как отрасль системы российского права

§ 1.1. Об объективном праве, соотношении отрасли системы права и системы законодательства

Цивилистическая наука, являясь одной из наиболее развитых из всех отраслей юридических наук, не может обходиться без общетеоретических положений, которые разрабатываются общей теорией права. Вопрос об отраслях права имеет самое непосредственное отношение к пониманию юридической сущности правоотношения в современной науке о праве. Это обусловлено тем, что традиционно отрасль права характеризуется как система правовых норм, имеющая однородный предмет, а в качестве предмета выступает определенная группа общественных отношений. Иначе говоря, предмет отрасли права представляет собой общественную (социальную) действительность, характеризующуюся однородностью. В свою очередь, право в собственном смысле представляется как модель возможного или должного поведения, т. е. не действительность, а возможность или необходимость.

Несложно заметить, что логическая связь между правом и действительностью обусловлена функциональным делением рассудочных суждений человека путем использования критериев модальности. Право соответствует суждениям о возможности и необходимости, а общественные отношения отвечают суждению действительности. И. Кант называл эти суждения проблематическими, аподиктическими и ассерторическими соответственно[1]. Между тем в понимании И. Канта суждения представляют собой функциональное назначение рассудка.

Следует признать, что применительно к праву и общественным отношениям в науке гражданского права наблюдается пробел между рассудочными суждениями, существующими в психике человека, и действительностью. Связано это с тем, что, по нашему мнению, последователями традиционной правовой науки упускается из виду

[1] См.: *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2011. С. 107.

тот факт, что право является продуктом психической деятельности людей. Таким же образом продуктом психической деятельности человека является сама деятельность человека и любые общественные отношения, в которых человек участвует. На этот момент обратил внимание Л.И. Петражицкий, разрабатывая психологическую школу права[1]. Л.И. Петражицкий понимал само право, в том числе правовые нормы, как императивно-атрибутивные переживания в психике человека. Этот подход вызван тем, что в своей теории Л.И. Петражицкий использовал методы внутреннего и внешнего наблюдения. Между тем при использовании более прогрессивного диалектического метода уже можно различать сами психические процессы от права и общественной действительности.

Объективное право имеет своим предназначением регулировать прежде всего психическую деятельность человека. Человек с больной психикой, признанный в установленном законе порядке недееспособным, не может выступать самостоятельным субъектом гражданских правоотношений. Именно переживания человека относительно тех или иных существующих объективно и независимо от его воли правовых норм, выраженные вовне, становятся правоотношением и связывают его с другими субъектами права. Таким образом, поведение человека, как общественное отношение, становится результатом его психической деятельности.

Именно психика человека заполняет тот самый пробел, который образуется между общественными отношениями и объективным правом. Для удобства все же принято считать, что право непосредственно регулирует общественные отношения. Однако в практической плоскости не может быть и речи о непосредственном регулировании путем воздействия норм объективного права на общественные отношения.

Любое взаимодействие с человеком в силу разумности человеческих существ является взаимодействием с психикой человека прежде всего. Право воздействует на человека различными способами. В этом смысле Л.И. Петражицкий указывал на императивные переживания, возникающие у человека, когда на него возлагаются обязанности, и атрибутивные, когда человек чувствовал себя обладателем субъективного права[2].

---

[1] См.: *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000.

[2] См.: *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 270–274.

В этом смысле психологическая теория права выглядит предпочтительной теорией для замещения пробела между поведением (общественными отношениями) и правовой нормой (объективным правом).

В правоприменительной сфере можно наблюдать вначале воздействие правовых норм на психику человека, а затем определенное направление общественной деятельности человека, сформированное правовым воздействием на его психику. При этом совершенно не обязательно знание конкретных правовых норм, описанных в праве, потому что зачастую это незнание заполняется названным Л.И. Петражицким интуитивным правом, что на самом деле является не чем иным, как собственным пониманием справедливости.

Воздействие правовых норм (объективного права) на психику совершенно различно. Нормы права могут либо запрещать, либо дозволять, либо предписывать, вызывая соответствующие переживания у человека. С этих позиций переживания у человека могут быть негативными и позитивными, в зависимости от норм, воздействующих на психику. В этой связи совершенно оправданно выделяют метод правового регулирования какой-либо отрасли права в качестве ее квалифицирующего признака. В современной науке распространено мнение, согласно которому отрасль права должна характеризовать однородностью предмета и единством метода правового регулирования. Такое мнение поддерживается, к примеру, А.В. Мелехиным[1]. При этом автор указывает, что метод правового регулирования является вспомогательным критерием по отношению к предмету.

Некоторые авторы вообще не упоминают метод правового регулирования как критерий выделения отраслей права[2].

С точки зрения воздействия правовых норм, имеющих качественно однородный предмет, на психику человека, исключение метода правового регулирования в качестве квалифицирующего признака отрасли права лишает ее целостности и замкнутости. Отрасль права в этом смысле может восприниматься только как некоторое аморфное образование. Отнесение имущественных отношений к одной отрасли и констатация того, что они являются предметом гражданского права, позволили бы считать, что отрасль гражданского права включает в себя также и нормы, регулирующие отношения по распределению

[1] См.: *Мелехин А.В.* Теория государства и права: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 278 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] См.: *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права: Учебник. М.: Юристъ, 2004. С. 310.

материальных благ, носящие в советский период преимущественно административно-командный, властный характер.

Отсутствие строгого следования двум критериям выделения отраслей сформировало в юридической науке теорию, согласно которой допускается возможность существования комплексных отраслей права. Например, профессор С.С. Алексеев писал о существовании комплексных отраслей права. При этом сам автор испытывал некоторые затруднения при выделении комплексных отраслей права, указывая, что им не присущ собственный метод и механизм регулирования, что существование комплексных отраслей права носит переходный характер[1]. С.С. Алексеев выделял комплексные отрасли права прежде всего для того, чтобы создать возможности для развития той или иной отрасли законодательства, которые так или иначе могут носить комплексный характер.

Статья 2 ГК РФ также указывает на то, что гражданское законодательство регулирует отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность. На этот счет в науке также не существует единообразного подхода. Некоторые авторы понимают предпринимательское право как самостоятельную отрасль частного права наряду с гражданским[2]. В учебнике по предпринимательскому праву под редакцией Т.А. Скворцовой приведены основные точки зрения по предпринимательскому праву[3]. Первая точка зрения сводится к признанию предпринимательского права самостоятельной отраслью права, вторая — к непризнанию предпринимательского права отраслью вообще, а третья — к признанию предпринимательского права комплексной отраслью права.

Теория комплексных отраслей права разрабатывалась С.С. Алексеевым. Он, придавая первоочередное значение методу правового регулирования, пытался найти единообразный метод правового регулирования в комплексных отраслях права[4]. Между тем это не могло закончиться успешно. Комплексная отрасль права в лучшем случае может иметь свой предмет регулирования, при пристальном внимании на который, можно делать вывод о его составном характере, заимствованном из других отраслей права. Мы не склонны придерживаться

[1] См.: *Алексеев С.С.* Собрание сочинений. В 10 т. Т. 3. Проблемы теории права. М.: Статут. 2010. С. 140, 141.

[2] См.: *Кашанина Т.В.* Корпоративное право (Право хозяйственных товариществ и обществ): Учебник для вузов. М.: Норма — Инфра-М, 1999.

[3] См.: *Скворцова Т.А., Смоленский М.Б.* Предпринимательское право: Учеб. пособие / Под ред. Т.А. Скворцовой. М.: Юстицинформ, 2014. С. 7.

[4] См.: *Алексеев С.С.* Структура советского права. С. 204–207.

взгляда, признающего существование комплексных отраслей, потому что в них никогда не будет достигнуто единство метода правового регулирования, воздействие на психику субъектов будет различным. Если достигнуто такого рода единство, то речь идет не о комплексной, а о самостоятельной отрасли права.

Относительно предпринимательского права думается, что точка зрения, не признающая предпринимательское право самостоятельной отраслью права, является наиболее приемлемой. Ее придерживается Е.А. Суханов, говоря о том, что признание предпринимательского права отраслью является пережитком признания существования хозяйственного права в советское время. В советское время категорически отвергалось деление права на частное и публичное. Хозяйственное право возникло в связи с таким опровержением деления[1]. В настоящее время нет ни единой идеологической предпосылки отвергать деление права на частное и публичное. Более того, деление права на частное и публичное приобретает свой качественный оттенок. Частное право призвано удовлетворять частные интересы, публичное — общественные. При этом в условиях современной экономики частные интересы, как правило, резко противостоят публичным, именно поэтому важна сбалансированность систем частного (гражданского) и публичного права, а не отрицание их существования.

Предпринимательское право является по своему существу скорее доктринальным явлением, название которого не в полной мере соответствует характеру регулируемых им отношений. С одной стороны, предпринимательское право — это скорее отрасль законодательства, в которую включены нормы гражданского и административного права. Нормы отраслей гражданского и административного права тесно взаимодействуют, содержат взаимные отсылочные нормы, но это вовсе не означает слияния названных отраслей. С другой стороны, система законодательства в части предпринимательского права хотя и позволяет говорить о комплексности предпринимательского законодательства, тем не менее не позволяет даже признать существование отдельной отрасли законодательства. В истории России никогда законодательно не было оснований признавать дуализм существования торгового (в настоящее время предпринимательского) и гражданского права. Не было и нет отдельных кодифицированных нормативных актов, отраслевых

[1] Гражданское право. Общая часть: Учебник. В 4 т. / В.С. Ем, Н.В. Козлова, С.М. Корнеев и др.; под ред. Е.А. Суханова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2008. Т. 1. С. 61.

законов — законодательство о предпринимательской деятельности состоит из множества разрозненных законов и нормативных актов.

На наш взгляд, отрасль права должна обладать определенной «чистотой» и обособленностью.

В отличие от С.С. Алексеева, который признавал существование комплексных отраслей права, Ю.К. Толстой, полемизируя с С.С. Алексеевым, утверждал, что комплексные отрасли по своему существу являются приемом классификации правовых норм, но структурным элементом системы права являться не могут[1]. А.В. Мицкевич использовал термин «комплексы правовых норм», говоря о том, что нормы различной отраслевой принадлежности могут и часто располагаются в единых массивах законодательства[2].

Сугубо юридически само по себе признание отсутствия в комплексных отраслях права единого метода правового регулирования уже означает не что иное, как отсутствие единства. Единство метода и предмета являются необходимыми и достаточными признаками отрасли права. Этот постулат не может являться определяющим для законодательства, поскольку законодательство формируется прежде всего исходя из предмета регулирования, а также из практического удобства его применения. В российской правовой действительности вряд ли удастся найти пример законодательства, которое использует нормы только одной отрасли права. Исключением может, пожалуй, являться только уголовное право в силу того, что замысел законодателя прежде всего состоит в том, чтобы отрасль уголовного права совпадала с соответствующей отраслью законодательства. Применительно к гражданскому законодательству такая задача не стоит.

Единство предмета правового регулирования и метода правового регулирования не означает их тождества и не означает того, что метод заложен в самом предмете правового регулирования. Сторонником следования метода за предметом правового регулирования выступил С.Ф. Кечекьян, который предполагал, что метод правового регулирования заложен в самом предмете правового регулирования, говоря об общественных отношениях, имеется в виду специфический метод, присущий им[3].

---

[1] См.: *Толстой Ю.К.* О теоретических основах кодификации гражданского законодательства // Правоведение. 1957. № 1. С. 45.

[2] Проблемы общей теории права и государства: Учебник для вузов / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 2004. С. 330.

[3] См.: *Кечекьян С.Ф.* О системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1946. № 2. С. 41–42.

Однако это не совсем так в силу противоречия данной теории правовой и социальной логике. Мы понимаем предмет правового регулирования опосредованно как некие общественные отношения, характеризующиеся качественной однородностью, получившие отражение в психике человека (людей), как психическое отношение к конкретной сфере общественной жизни (общественных отношений). Это означает, что предмет сам по себе отстранен от объективного права, от правовых норм.

Объективное право представляет собой систему общеобязательных, обеспеченных публичной властью, общеизвестных правил поведения, получивших объективную форму в мире явлений.

Такое определение права не уходит в философию права. Оно представляет собой функциональное определение права, подчеркивает содержание понятия метода правового регулирования, заложенного в самом объективном праве. Здесь нет движения от права к метафизическим сущностям о том, что есть право (свободная воля, проявление высшего разума и т. д.). Изложенная дефиниция есть определение объективного права с точки зрения его назначения.

Определив метод в качестве основного критерия отграничения отраслей права, а также установив, что метод должен быть единым в рамках одной отрасли права, следует рассмотреть еще один вопрос, анализ которого необходим для исследования гражданского правоотношения с психо-эмоциональной стороны. Это вопрос о соотношении понятий объективного права и законодательства.

Законодательство является формой выражения объективного права. То есть определяя объективное право как совокупность правил поведения, имеющих объективное выражение, мы показываем, что наличие самой по себе действительной формы для права необходимо. Объективное право является содержанием, наполняющим законодательство. Психика человека такова, что улавливание содержания без предварительного улавливания формы невозможно. Это, как указывал И. Кант, связано с существованием априорных форм познания действительности — пространства и времени[1]. Поскольку право существует формально определенно, объективно, то мы воспринимаем право только через одну из существующих форм, в качестве одной из которых выступает законодательство.

Некоторые авторы это не вполне четко учитывают. Так, А.В. Малько, Н.И. Матузов, раскрывая в главе учебника под названием «Система права и система законодательства» структурные элементы системы

[1] См.: *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2011. С. 63–67, 71–73.